

Алексей Кива

АРАБСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ РОССИИ

Феномен глубокого кризиса в арабском мире еще долго будет будоражить умы аналитиков и даже людей, имеющих косвенное отношение к политике. Что сразу же приходит на ум? *Такого развития событий никто не ожидал.* Кто говорит обратное – лукавит или просто лжет. Как никто не ждал и распада СССР, и всего или почти всего социалистического лагеря до начала горбачевской перестройки. Те, кто утверждают, дескать они это предвидели, этого ожидали, повторяют примерно то же, что говорили о судьбе выросшей из большевистской революции Советской России на Западе и особенно в США. Они ее десятки раз хоронили, но каждый раз попадали пальцем в небо. А если бы это действительно случилось, то они наверняка утверждали бы: вот, видите, мы же предсказывали...

Даже наши именитые арабисты с большим стажем и глубоким знанием предмета, как, например, Георгий Мирский, не могли предсказать, как будут развиваться события после свержения президента Туниса Бен Али. Они просто не учитывали двух новых факторов, которые появились в последние годы, о чем мы еще поговорим. Многие рассуждали примерно так. Да, Тунис – что-то вроде продолжение Франции, где многие тунисцы учились и работали, многие там и сейчас живут. Училась там и немалая часть правящей элиты, включая первых лиц, как бывшие президенты Хабиб Бургиба и Бен Али. Отсюда и стремление образованной части тунисского общества, и прежде всего молодого поколения, к свободе и демократии, с одной стороны, и сдержанность политического руководства и силовых структур в отношении применения вооруженной силы для подавления антиправительственных демонстраций – с другой.

В Египте ситуация-де совсем другая, там гарантом политической стабильности является армия, которая и создала существующий режим, при том, что президент Хосни Мубарак сам является боевым генералом. Другая она, дескать, и в Ливии, купающейся в нефтедолларах и имеющей популярного в народе лидера Муамара Каддафи. Как писал корреспондент ИТАР-ТАСС в Тунисе Александр Козин, «Ливия... полагают эксперты, слишком богата, чтобы позволять себе реализовывать "тунисско-египетские сценарии" с туманными перспективами для улучшения благосостояния населения».

Мир считает Каддафи непредсказуемым диктатором, за которым тянулся длинный шлейф преступлений против человечности и экстравагантных выходов, человеком, сумевшим настроить против себя весь арабский мир, но отнюдь не радетелем интересов собственного народа. Некоторые же наши авторы – по заданию или собственному разумению – живописали прекрасную жизнь ливийцев при этом правителе. Ливийцы-де живут лучше и дольше, чем россияне. Если это и так, то что побудило наши власти списать Ливии 4, 5 миллиарда долларов советских долгов? В обмен, по словам министра финансов Алексея Кудрина, на «многомиллиардные оборонные контракты», а глава «Газпрома» Алексей Миллер добавил: «Ливия – очень богатая страна на углеводородные ресурсы». Но,

как выясняется, у Каддафи во много раз были большие валютные резервы в пересчете на душу населения, чем у России. И имеет ли наш народ какой-то реальный доход от добываемой нашими компаниями в других странах нефти и той военной техники, которой мы так щедро снабжали и снабжаем бывших «друзей СССР», в основном диктаторских режимов? При том, что наша армия вооружена в основном оружием предыдущих поколений.

Страны «третьего мира» должны были СССР, по разным подсчетам, от 103 до 130 миллиардов долларов, собственно России – 80 миллиардов. Где эти деньги? А наши переговорщики по долговым обязательствам подчас списывали долги как богатым, так и быстро развивающимся странам, как, например, Вьетнам. Непонятная благотворительность! Надо еще хорошенько подумать, шло ли на пользу стране и народу сотрудничество с такими режимами, как режим Каддафи. Возможно, кто-то от этого обогащался, например, «оборотни в погонах», коррумпированные чиновники или отдельные олигархи. (Некоторые аналитики говорят, что с уходом Каддафи от власти мы якобы потеряем в Ливии заказы на 4 миллиарда долларов. Только кто это – «мы»?)

Если мы серьезно ставим задачу модернизации страны, то надо нацеливать наш крупный бизнес на его диверсификацию, увеличение промышленной и научно-технической компоненты, а не на вывоз капитала из страны, так или иначе связанный с инвестированием в освоение сырьевых ресурсов в других странах. В то время как геологоразведка в собственной стране сведена к минимуму, а сырьевая инфраструктура до предела изношена. Называя вещи своими именами, «политическое крыло» наших сырьевых магнатов срывает модернизацию, подменяя ее демагогией и очередными утопическими планами, вроде «Стратегии-2020» образца 2007 года как ударной составляющей предвыборного пиара.

Кстати говоря, наши ведущие политтехнологи в канун новых выборов решили слегка подновить пиар-стратегию 2007 года. Только до кризиса благосостояние большинства россиян все же улучшалось, и рост цен на сырье можно было выдавать за рост экономики. Но ныне-то ситуация другая.

При падении жизненного уровня россиян и массовой безработице; при нынешней дороговизне продуктов питания и услуг естественных монополий; при углубляющемся общественном и особенно духовно-нравственном кризисе; при нынешнем жалком состоянии реального сектора экономики и повальном бегстве из страны капитала; при обострении ситуации на Северном Кавказе; наконец, при ухудшении личной безопасности граждан надо было бы начать диалог с обществом по вопросу о том, что делать в данной ситуации, а не строить очередные «потемкинские деревни». Очевидно, рассчитывая, что нынешний нефтяной бум как результат стечения целого ряда обстоятельств будет длиться бесконечно долго.

Реанимировать «Стратегию-2020» в канун приближающихся выборов призваны экономисты гайдари-чубайсовского толка. В частности, из Академии народного хозяйства и государственной службы, возглавляемой бывшим соратником Гайдара Владимиром Мау, а также из Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ), ректором которой является Ярослав Кузьминов (супруг министра экономики Эльвиры Набиуллиной). Ее идеологом в качестве научного руководителя является профессор Евгений Ясин (министр экономики в правительстве Ельцина), непререкаемый «гуру» у нашей либеральной, точнее, квазилиберальной публики, который до сих пор активно популяризирует «успехи» 90-х и свято верит в непогрешимость постулатов «Вашингтонского консенсуса», следование которым привело к краху не одну только российскую экономику. На В. Мау возложена задача представлять советы «экономических мудрецов» первому вице-премьеру Игорю Шувалову.

Такое впечатление, что у наших правительственных чиновников имеет место болезненное раздвоение личности: с одной стороны, в объяснение многих нынешних наших трудностей они ссылаются на «лихие девяностые», а с другой стороны, выстраивают экономическую политику при активном участии архитекторов этих «славных годов»...

Выше я говорил о двух новых факторах, сыгравших большую роль в развитии арабской революции. Вот один из них.

«ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ!»

Эти слова Пушкина не раз повторялись и наверняка еще не раз будут повторяться. Еще Тургенев в романе «Отцы и дети» описал конфликт поколений. Так, очевидно, было с незапамятных времен, так наверняка будет и впредь.

В лоне общественного процесса время от времени вызревает поколение, которое имеет свой взгляд на вещи, отличный от своих родителей и в целом - предшественников, и не готово мириться с существующим порядком вещей. Можно напомнить о движении «новых левых» во Франции, о так называемой студенческой революции 1968 года, оказавшей огромное влияние на умонастроения молодежи европейских стран. В этом же ряду и германские, американские и т.п. молодежные протестные движения. Эти движения были многочисленными и разными вплоть до практикующих террор. Общим, пожалуй, был их протест (нередко смешной, гротескный, иррациональный, брутальный) против существующего порядка вещей, образа жизни, ценностей, норм морали и пр.

Это же случилось и в арабском мире. Корреспондент ИТАР-ТАСС в Египте Дина Пьяных писала: "Революцию совершил народ – молодежь" – не уставали повторять протестующие на площади Тахрир. И вот в этом, как видится, и кроется главное условие будущего развития не только Египта, но и всего региона. Сейчас поднимает голову и стремится взять управление в своих государствах новое поколение – поколение переломных 90-х, о котором писались трактаты и в России, и в Европе. Это поколение своим мышлением качественным образом отличается не только от своих родителей, но даже от старших братьев эпохи 70-х. Они не хотят слышать проповеди о правилах поведения и идти на поводу у пропаганды, они сами себе власть – "пятая, народная, власть", появления которой так долго ждала история...»

ЗАГОВОР

ИЛИ ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ?

Даже на научных конференциях порой можно слышать о том, что революции – впрочем, в данном случае иная стилистика – мятежи, безответственные выступления толпы и т.д. – спровоцированы внешними

силами. Произносятся и, казалось бы, давно забытые слова о «вашингтонском обкоме». А более осторожные в выборе слов аналитики говорят о попытках Вашингтона совершить новый передел в свою пользу «Большого Ближнего Востока».

Вспоминается выражение яркого египетского журналиста в период президентства Гамаль Абдель Насера Мухаммеда Х. Хейкала. В западной прессе его постоянно называли «Хейкал Насера». В один прекрасный момент он взорвался и заявил: «Я Хейкал Хейкала, а не Насера!» Революции в арабском мире - это арабские революции, имеющие внутренние причины, и прежде всего социальную. Они спровоцированы арабскими реалиями, а не внешним вмешательством, которое, конечно, тоже может быть, но при этом далеко не решающим и не обязательно американским, а, например, иранским.

Вот что сказал по этому поводу академик Евгений Примаков: «Мы совершенно справедливо концентрировались в своих оценках на набиравшем силу радикальном ислализме в мусульманском мире и как-то оставили в стороне возможность "традиционных" социальных революционных взрывов. Вообще посчитали, видно, что процесс революций, сметающих консервативные, авторитарные режимы ушел, в прошлое, в том числе в развивающихся странах. События в Тунисе и в Египте показывают, что это не так».

По существу, он дал ответ и насчет происков «вашингтонского обкома». Говоря о встрече в Вашингтоне с американскими коллегами по проблемам Ближнего Востока в феврале 2011 года, Примаков заметил: «И по их настроению, а также по выступлениям американской печати, которая полна описаниями египетских событий, видна по меньшей мере настороженность - задаются вопросы: как повлияют эти события на отношения Египта и США, ведь Вашингтон считал одной из самых главных своих опор на Ближнем Востоке режим Мубарака. Египет, главным образом на нужды армии, получал американскую помощь в 1,5 миллиарда долларов в год. Конечно, тревоги затрагивают проблему - не окажут ли события в Египте влияние на положение в аравийских странах - производителях нефти. Задаются вопросы, как скажутся эти события на проблемах арабо-израильского урегулирования - Египет был первой арабской страной,

которая в 1979 году подписала мирный договор с Израилем. Вопросов много - на них ответит время».

Что же касается Израиля, самого надежного союзника Вашингтона на Ближнем Востоке, то его руководители били тревогу в связи с потерей власти Хосни Мубараком. А по нашему ТВ (если не ошибаюсь - НТВ), израильские аналитики очень компетентно рассказывали, какое неопределенное будущее таят в себе события в Египте и насколько сложен и долог процесс строительства демократии в странах, никогда ее не знавших.

На деле мы имеем дело с феноменом демонстрационного эффекта. В прессу была даже вброшена хлесткая метафора: «Тунис разбудил Египет, а Египет - другие арабские страны». И это тот второй фактор, который я имел в виду.

Демонстрационный эффект является естественным спутником исторического развития. Одни народы в силу благоприятно сложившихся обстоятельств, в том числе геополитических, вырываются вперед в своем цивилизационном и культурном развитии. Другие по разного рода причинам от них отстают, но, имея перед собой пример, стараются у тех что-то перенять, чтобы ускорить свое развитие.

Если не углубляться далеко в историю, то можно найти множество примеров на этот счет. Это и реформы Петра I, и выступление декабристов, многие из которых после разгрома армии Наполеона побывали во Франции и видели там более передовое общественное устройство, чем в царской России. Это и появление «Первого философического письма» Петра Чаадаева (1829 г.) как реакция увиденного им в ходе путешествий по странам Европы. Оно сыграло, с одной стороны, роль катализатора раскола образованного слоя общества на западников и славянофилов (а в итоге и массового сознания) как результат петровских реформ. А с другой стороны, стало началом процесса самопознания, на что указывал Николай Бердяев. Но особенно сильное влияние на мир оказали Великая Французская революция и Великая Октябрьская социалистическая революция.

Ярким примером роли демонстрационного эффекта в историческом процессе являются собой так называемые страны догоняющего развития. Речь идет главным образом о бывших колониях и полуколониях. Причем влияние внешнего

фактора шло, если так можно сказать, волнами. Первая волна появилась под влиянием успехов СССР, других стран социализма и выразилась в отрицании элитами большинства освобождающихся стран капитализма как общественной системы в пользу социализма как символа прогрессивных перемен. При том, что социализм понимался и соответственно назывался местными элитами по-разному: «арабским», «африканским», «дестуровским», «исламским» и т.д. Из этого разнообразия «социализмов» выросла – при активной поддержке СССР – социалистическая ориентация освободившихся страна, или некапиталистическое развитие. Руководство целого ряда стран объявило о своем следовании научному социализму.

Но демонстрационный эффект имел место и на региональном уровне. Так, свержение монархии в Египте стало примером для многих антимонархических сил в арабском мире. Тут заразительным стал пример египетских «молодых офицеров» во главе с Гамаль Абдель Насером, свергших короля и провозгласивших своей целью добиваться полной независимости своих стран, экономического и социального прогресса и укрепления единства арабских стран. В одном только 1969 году «молодые офицеры» совершили военные перевороты в трех странах (Ливия, Судан, Сомали). Господствующей идеологией в арабском мире тогда был национализм.

Демонстрационный эффект стал давать о себе знать и на страновом уровне, причем далеко не всегда со знаком плюс. Так, соблазненные картинками красивой жизни в больших городах, и прежде всего столицах, многие крестьяне бросали свое тяжелое земледельческое ремесло и устремлялись в города в тщетной надежде найти более легкую и лучше оплачиваемую работу. Особо широкий размах это имело место в странах, богатых ценным сырьем, в первую очередь углеводородами, как, например, Нигерия.

Естественно, что роль демонстрационного эффекта возрастает по мере расширения международных связей и развития средств коммуникаций. Уже появление типографии в середине XV века сыграло большую роль в распространении в Европе, если не в мире в целом, информации. Но этот процесс резко ускорился после появления телеграфа, радио, телефона, не говоря уже о нынешних средствах массовой

коммуникации и особенно Интернета, в условиях глобализации.

Вот что говорит уже упоминаемая корреспондент ИТАР-ТАСС в Египте Дина Пьяных. Интернет стал играть огромную роль в мобилизации недовольных существующим порядком людей, и прежде всего молодежи, «которая сейчас мобилизуется в социальных сетях типа "Фейсбук" и "Твиттер", формируя там свое собственное общественное мнение. О роли пока не подконтрольного и не подцензурного Интернета в становлении нового революционного сознания еще будет написано немало научных диссертаций. Опуская наиболее вероятное вовлечение внешних сил в события в Египте, которые еще предстоит выяснить и оценить, стоит сказать однозначно: революция 25 января и произошедшие в Египте изменения были бы невозможны без молодежи. И этот фактор ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов».

РЕВОЛЮЦИЯ, БУНТ, МЯТЕЖ, ВСЕВЛАСТИЕ ТОЛПЫ...

Ситуация в арабском мире непростая и трудно предсказуемая. Нас, однако, в данном случае интересует вопрос: где имеет место революция, где, наоборот, контрреволюция, мятеж, разгул «безответственной толпы», как выражаются некоторые наши «политологи-охранители». Но пока об этом судить сложно.

Революции начинаются по-разному. Достаточно сказать, что как Великая Французская революция, так и Февральская революция как предтеча Великой Октябрьской революции носили стихийный характер и проходили по законам поведения толпы. И вот о психологии толпы поговорим чуть подробнее.

Поначалу и в Тунисе, и в Египте демонстранты, в основном молодые люди и даже подростки, напоминали толпу. Они наперебой требовали всякого и разного и немедленно, что на деле не может быть удовлетворено в условиях конкретных стран любой властью - нет для этого экономических возможностей. В условиях демографического взрыва во многих мусульманских странах темпы роста производства должны быть не ниже 7 процентов, а то 10, что нереально для многих из них. Тем не менее, когда к молодым «протестантам» присоединялись в массовом порядке люди едва ли не всех

возрастных групп, а тем более, когда действующую власть отказывались поддерживать силы правопорядка и армия, то это говорит о том, что недовольство ею, властью, достигло предельного уровня. И это уже не толпа, а массовое движение, которое в любой момент может перерасти в революцию.

Интересно послушать реакцию в свое время одного из самых ярких журналистов газеты «Известия», а потом профессора одного из американских университетов Мэлоу Стурюа на статью известинца («лоялиста и охранителя», как он сам себя называет) Виталия Иванова «Египет: народная воля или стихия толпы». Иванов, говорит Стурюа, считает, я его цитирую, что «эта толпа - коллективный узурпатор, незаконный захватчик власти, который народ абсолютно не представляет, и народ ему не делегировал никаких прав выступать от его имени. И вот они захватывают власть в арабских государствах».

Дело вот в чем. Мы знаем из истории, что никогда революции не происходят одновременно во всей стране. Революции происходят, как правило, в столицах, и участвует, безусловно, очень небольшая часть населения. В этом, так сказать, суть революции... Октябрьская революция тоже - так называемое взятие Зимнего дворца и выстрел «Авроры». Ну, сколько там вышло на улицы людей?.. Пойдем дальше. 1991 год - смещение, то есть не смещение, а уход в отставку Горбачева. И то, что происходило в Москве: опять же вышли десятки тысяч москвичей и заявили о том, что больше не хотят жить в условиях советского режима. Дальше: 1993 год. Согласно конституционной структуре, над президентом стоял Верховный Совет. И президент бросил вызов Верховному Совету, потому что Верховный Совет тянул страну обратно, в социалистическое прошлое. Опять-таки кто вышел на улицу? Весь 150-миллионный российский народ? Или, тем более, в 91-м году 300-миллионный народ Советского Союза? Конечно же, нет. И называть вот эту передовую часть народа, населения «коллективным узурпатором», который незаконно, понимаете, узурпирует права народа, тогда получится, что мы живем в незаконном государстве, которое образовалось в 91-м году. И народ не делегировал участникам Беловежской пущи право распустить Советский Союз. Более того, как известно, был проведен референдум, где большинство населения

выступало за сохранение Советского Союза».

Что ж, Стурюа не откажешь в логике. Только и у В. Иванова есть логика- логика открытого защитника существующей олигархическо-бюрократической системы. Впрочем, логика ущербная и не во благо правящего класса, ибо если в нынешней вертикали власти ничего не менять, то она развалится, как развалился царский и коммунистический режимы.

РЕВОЛЮЦИИ

ЧАСТО НАЧИНАЮТСЯ С ТОЛПЫ

Однако вернемся к понятию «толпа». Законы действия толпы глубоко и всесторонне исследовал крупный французский психолог, социолог, историк Густав Лебон (1841-1931 гг.). Он подробно описал психологию толпы, отметил ее характерные особенности и даже указал на способы с нею борьбы. Сейчас важно уяснить причины появления этого феномена. Во-первых, это спонтанный протестный выход людей на улицу в результате какого-то вопиющего случая. В Тунисе, например, это было самосожжение молодого выпускника университета, который, не найдя себе работу по специальности, торговал зеленью на улице. Этим он помогал выжить матери и своим братьям и сестрам. И когда полицейский, сославшись на отсутствие у парня лицензии на торговлю, отобрал у него тележку, на которой тот торговал, то он от отчаяния решил свести счеты с жизнью. В условиях массовой безработицы среди образованной молодежи и резкого роста цен на предметы первой необходимости, в первую очередь продовольствия, это немедленно нашло отклик во многих городах и поселках Туниса - людей просто допекло бездушное режима, созданного оторвавшимся от интересов народа президентом Бен Али.

Во-вторых, спонтанность массовых выступлений случается в странах, в которых годами накапливается массовое недовольство правлением властей. А причин для этого в большинстве арабских стран было больше чем достаточно. Это бессменное авторитарное, а то и тираническое правление пришедших, как правило, в результате военных переворотов руководителей (Бен Али в Тунисе, Али Салех в Йемене, Каддафи в Ливии, Хафез Асад в Сирии, передавший бразды правления сыну Башару, который тоже походил в высоких военных чинах).

Причем едва ли не повсеместно наметилась тенденция власть от отца передавать сыну, что, естественно, вызывает недовольство в обществе.

Это коррупция, которая процветала и в Тунисе, и Египте, и многих других арабских странах. Это огромный разрыв в доходах между богатыми и бедными, nepотизм. Это открытая и наглая фальсификация выборов. Так, на последних президентских выборах Бен Али получил более 80 процентов голосов, а Мубарак – и того больше. Видимо, действовал принцип: «не важно, как проголосуют, важно, как подсчитают». Это массовая безработица среди молодежи, в том числе образованной, во многих странах она составляет большую часть населения (60 процентов населения моложе 25 лет). Хотя естественный прирост населения наибольший в бедных странах.

Даже в имеющей огромные доходы от экспорта нефти Ливии была большая безработица среди молодежи. Львиная доля нефтедолларов (из той ее части, которая по личному разумению диктатора не переводилась в зарубежные банки) распределялась в интересах укрепления позиций семейства Каддафи: на содержание многочисленных воинских формирований, особенно тех, которыми командовали его сыновья, на закупку в невероятно больших масштабах для 6-ти миллионной страны оружия. Единой армии, как в Египте, в Ливии не было. В ней есть, точнее, было много разных «армий» (бригады революционной гвардии в основном из племенных групп каддафи, гвардия масс, революционные комитеты обороны, пограничная стража, пустынная стража, интернациональные батальоны, африканские батальоны, арабские батальоны и т.д.). И ни одна из силовых структур не могла заставить Каддафи уйти в отставку, тем более что элитными частями командовали его сыновья. На содержание этого огромного воинства полковник денег не жалел. Вот почему режим Каддафи оказался гораздо более устойчивым, нежели режимы в Тунисе и Египте. Много денег уходило и на поддержку «революционеров» едва ли не во всем мире. Но поскольку панарабизм Каддафи был замешан на исламе, то было кого поддерживать.

Нельзя не сказать и о той роли которую в развязывании гражданской войны в Ливии сыграл племенной фактор. Ливия состоит

из трех провинций: Триполитании на западе, Киренаики на востоке и Феззама (Феццама) в центральной, в основном пустынной и полупустынной части страны. В каждой провинции живут свои племена и, как отмечали арабисты, приоритетно финансировалась родина Каддафи - Триполитания в ущерб Киренаике. Главный город этой провинции Бенгази не случайно стал оплотом оппозиции, как не случайно и появление там государственного флага, существовавшего в годы правления короля Идриса I. Это внук основателя мусульманского ордена сенуситов, который упорно и небезуспешно боролся против колонизаторов. Настоящее его имя Мухаммед бен Али ас-Сенуси. Он в 1914 году был провозглашен эмиром Киренаики, где родился, а годы спустя (1947 г.) был объявлен и эмиром Триполитании. На учредительном собрании Ливии в 1950 году Мухаммед Сануси был избран королем Ливии, а в 1951 году появилось Соединенное королевство Ливии как «демократическое, федеративное, независимое и суверенное государство, формой правления которого является конституционная монархия». Оно было быстро признано в мире. А в 1969 году никому не известный капитан Каддафи из бедуинской семьи с группой заговорщиков лишил трона короля Идриса I и установил в Ливии под флагом «Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия» диктаторский режим. Раньше или позже это должно было аукнуться...

Правда, некоторые ставят в заслугу Каддафи то, что он основательно подрезал в Ливии крылья интересам западных стран. Ну, это как сказать. Например, блестящий администратор и реформатор Ли Куан Ю, превративший бывший отстойный британский порт Сингапур, не имевший не только нефти, но и питьевой воды, в современное процветающее государство, не национализировал иностранные компании, как делали многие другие молодые государства. Наоборот, как он выразился, «мы лезли из кожи вон», чтобы привлечь в страну как можно больше иностранных компаний, которые и заложили фундамент высокоразвитой экономики.

Массовое недовольство вызывало и вызывает и правление этно-конфессиональных меньшинств. В Ираке при Саддаме Хусейне правили сунниты, причем едва ли не все высшее руководство

страны происходило из небольшого города Тикрити. В Сирии, наоборот, правит шиитское меньшинство алавитского толка, которое получает активную поддержку со стороны Ирана, что, естественно, вызывает недовольство в арабских странах. Еще не забыто, что в войне между Ираком и Ираном Сирия была на стороне шиитского режима Хомейни. Ее вмешательство в дела Ливана носит скорее негативный, чем позитивный характер. Притом что объявившие себя ориентирующимися на построение социализма правящие партии БААС (что в переводе с арабского первые буквы «Партия арабского социалистического возрождения») в Ираке и Сирии создавались по образу и подобию КПСС. От советского режима эти и другие страны, объявившие своей целью строительство социализма (например, Ливия при Каддафи), позаимствовали «руководящую роль» правящей партии, имитационные выборы, пожизненное пребывание первых лиц у власти, спецслужбы типа КГБ, жестоко подавляющие инакомыслящих. А еще «папа Асад», а затем и его сын Башар делали ставку на «своих»- алавитов, которых они сажали на ключевые посты в стране преобладающего суннитского большинства. Привыкшее к жестокому подавлению любого сопротивления режиму сирийское руководство протестующих против существующего порядка вещей объявило смутьянами, если не бандитами, действующими якобы по подсылке извне, и направили против них армию, что поставило страну на грань гражданской войны.

Годами накапливающееся недовольство диктаторским правлением семейства Асада и неумение Башара вовремя пойти на уступки может иметь тяжелые последствия и для самой Сирии с ее сложной этно-конфессиональной структурой общества и потенциально мощным влиянием «Братьев-мусульман» (которые в 1980-е годы уже поднимали вооруженный мятеж), и для ее соседей. Поэтому не случайно многие арабские лидеры призывали президента Асада пойти навстречу требованиям оппозиции и начать либерализацию режима, в котором уже почти полвека существовало чрезвычайное положение. Он и объявил программу реформирования режима, только с большим запозданием и неспешной ее реализацией.

Стоп! Надо сказать и об объективных причинах жесткого характера режима

семейства Асад. Это затянувшееся на десятилетия противостояние Сирии с Израилем, которая, в отличие от Египта, не установила с ним нормальные отношения, требуя возврата оккупированных в ходе арабско-израильской войны 1967 года Голланских высот. Только ведь и Израиль не хочет, чтобы к власти в Сирии пришли исламские фундаменталисты, и для него режим Асада есть, так сказать, меньшее зло. Для него было бы лучше, если бы и в Египте, и Сирии все оставалось, как было. СССР нужны были антизападные режимы как союзники (в основном, между прочим, липовые) в противоборстве с противоположной общественной системой. От них новая Россия унаследовала большие долги, которые в основном были нами списаны, и проторенные пути поставок им оружия. Притом что у нас сохранились влиятельные круги, все еще мыслящие категориями «холодной войны» и подозрительно относящиеся к западным демократиям, им подчас ближе авторитарные режимы, нежели демократические. Потеряв одних, они стараются найти новых, как режим Уго Чавеса, вроде бы с прицелом на венесуэльскую нефть.

Хотя справедливости ради надо сказать, что и США вполне дружелюбно относятся к богатым нефтью далеко не демократическим режимам Персидского залива, деля, очевидно, «сукиных сынов» на своих и чужих. (Напомню, что один высокопоставленный американец о никарагуанском диктаторе А. Сомосе сказал: «Да, он сукин сын, но это наш сукин сын».)

Было ли влияние извне? Конечно, было. Только скорее не в результате «американского заговора», как многие у нас до сих пор считают, а примера демократических стран, в которых идет постоянная ротация первых руководителей и правящих партий, что и позволяет неудачных правителей и партий вовремя убирать от власти, а заодно и выпускать пар из «социального котла».

Хочу подчеркнуть: какие бы массовые движения протеста ни возникали в демократических странах, то, кроме побитых стекол витрин, перевернутых машин и посаженных в полицейские фургоны особо буйных граждан, ничего страшного не случается.

Потому что, если граждане недовольны правлением, скажем, президента или

партии, то не кто-то в ходе междусобойчика за них решит, кому править, а именно они это сделают в ходе ближайших выборов. Давно и многократно сказано, что революции случаются только тогда, когда нет реальной возможности мирного пути смены власти или не отвечающего интересам большинства общественного строя.

РЕВОЛЮЦИИ ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД?

Высокопоставленный египетский чиновник (не буду называть его имени и должности), выступая перед российскими учеными, достаточно глубоко раскрыл истоки египетской революции (а в Тунисе и Египте, по мнению большинства аналитиков, действительно имели место революции), но как-то обошел вопрос о социально-экономическом развитии Египта в «послемубаракскую эпоху». Но вопрос был задан, и он сказал, что массовые выступления, в ходе которых была нарушена нормальная хозяйственная деятельность, понес ущерб туристический сектор, началось бегство капитала, конечно же, нанесли ущерб экономике страны. В то же время многие египтяне ожидают улучшения своего материального положения, сокращения безработицы и т.д. А далее сказал то, отчего зал дружно рассмеялся: «Раньше школьникам давали молоко, а теперь они хотят, чтобы им добавили еще и шоколад».

Другими словами, при таком стремительном росте населения Египта (в начале 90-х было около 50 миллионов человек, а ныне – под 80 миллионов) и ограниченных природных ресурсах рассчитывать на «светлое будущее» после свержения режима Мубарака вряд ли стоит. Тем более если США прекратят ежегодную финансовую помощь. А еще надо учитывать и потерянные доходы многих сотен тысяч египтян, которые за хорошее вознаграждение работали в Ливии до начала гражданской войны.

О том, что после тунисской революции в тамошнем обществе осталось горькое «послевкусие», лучше всего говорит стремление «молодых бунтарей» под шумок перебраться в страны Европейского Союза через Италию. Они рассчитывали, очевидно, на чудо, которое, увы, редко нам показывается на глаза, если вообще показывается.

В официальных кругах ЕС, в которых рукоплескали свержению «тиранов», говорят о необходимости помочь новым

режимам в Тунисе и Египте справиться с послереволюционными проблемами, чтобы стать на путь демократического развития. Говорят об этом и в США. Но делать этого пока не спешат. А у людей «с улицы» возникает законный вопрос: «Почему же те, кто активно боролся за свержение авторитарного президента Бен Али, вместо того, чтобы строить новую, демократическую страну, стремятся из нее уехать?»

Все это дает дополнительную пищу для осмысления характера и, скажем так, вызовов арабских революций. Неизбежно встает и вопрос: предвидели ли руководители европейских стран все последствия войны (да и ее затяжной характер) за свержение режима Каддафи, которого я вместе с тем никак не склонен защищать. И, в частности, рост числа беженцев в страны ЕС, цен на углеводороды и пр. Полагаю, что нет. И вообще, страны Запада, но в первую очередь США, в последние годы часто принимали плохо просчитанные решения в сфере международных отношений.

ОБ АРАБСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ НЕЛЬЗЯ СУДИТЬ ОДНОЗНАЧНО

Термин «арабские революции» я употребляю весьма условно, поскольку далеко не всегда мы имеем дело с революциями в общепринятом смысле слова. И поскольку их роль может быть неоднозначной, то предпочтительно о них говорить по принципу «с одной стороны, и с другой стороны».

С одной стороны, даже глубокая социальная революция, а не пришедшая в движение по разным мотивам, в том числе этно-конфессиональным, улица, «голодный бунт», массовое неповиновение и пр., далеко не всегда решает поставленные историей перед обществом задачи. Так, после Октябрьской революции Бердяев писал: «Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях». И в самом деле, Октябрьская революция, эта поистине народная революция, не могла изменить ни массового авторитарного сознания, ни распространенных в обществе царистских настроений, быстро трансформировавшихся в вождистские, ни

привить широким слоям народа бережное отношение к чужой и даже своей жизни, уважение чужого мнения и саму потребность в демократии. Пророческими оказались слова Плеханова о том, что мельница российской истории еще не смолота муки, из которой будет испечен пшеничный пирог социализма. Вопреки букве и духу марксизма большевики, конечно, пирог социализма испекли, только он быстро прогорк.

Применительно, по крайней мере, к большинству арабских стран можно сказать: мельница их истории еще не смолота муки, из которой можно было испечь пирог демократии. А вот пирог теократии испечь вполне можно – ислам является единственной мировой религией, которая имеет уже готовые формы общественной, духовной, нравственной и бытовой жизни. И нынешний Иран тому свидетельство. И никому не дано знать, как в дальнейшем будут развиваться события в арабских странах. Если судить по странам Латинской Америки, то там на становление институтов демократии ушло 100, а то и больше лет.

Но тут же можно привести и контраргументы. Во-первых, за исключением нескольких стран (Аргентина, Чили, Уругвай и, пожалуй, Куба), народы Южного полушария – это, по существу, молодые народы, возникшие в ходе смешения европейцев и индейцев, в то время как за плечами арабских народов стоит более чем тысячелетняя цивилизация. А как показывает опыт, уровень цивилизационного развития играет большую роль в темпах освоения народами современных форм жизни.

Конечно, могут сказать: именно поэтому-то возникшая в странах другой цивилизации демократия будет отвергаться массовым сознанием в мусульманских странах. На это, однако, можно и возразить: быстрое экономическое, социальное и культурное развитие, тем более в условиях глобализации, раньше или позже объективно подведет арабские народы к принятию демократии в ее базовых ценностях, пусть и в «национальных одеждах». Ведь китайская цивилизация еще более древняя, чем арабская, а роль конфуцианства в жизни общества в чем-то сродни роли ислама, однако же, в островной части Китая- Тайване демократические институты уже успешно функционируют. Как, впрочем, и в

близкой китайской цивилизации Южной Кореи. И, во-вторых, в наше время развитие общественного процесса резко ускорилось, и то, что раньше уходило столетия, может быть достигнуто за десятилетия.

С другой стороны, арабские революции – это, может быть, одно из самых выдающихся мировых событий начавшегося века, которое будет иметь серьезные и долговременные последствия в жизни стран этого региона, а скорее, и за его пределами. Революции, массовые протестные движения любого характера и даже бунты, как правило, не проходят бесследно.

Глубокие же социальные революции, как Великая Французская и Великая Октябрьская революции, приводят к таким позитивным изменениям в обществе, оказывают такое мощное влияние на остальной мир, что приходящие им на смену реставрации и реакции не в состоянии полностью их устранить. Например, оказавший огромное влияние на окружающий мир «Кодекс Наполеона», или Гражданский кодекс, так или иначе рожден революцией. Как сказал Наполеон, «моя истинная слава — не в том, что я выиграл 40 сражений: одно Ватерлоо зачеркнуло их все. То, что будет жить вечно, — это мой гражданский кодекс». Октябрьская же революция заставила буржуазию западных стран повернуться лицом к простому человеку и способствовала освобождению народов от колониальной зависимости.

Первое. Абсолютные монархии в арабском мире, скорее всего, постепенно будут трансформироваться в конституционные, а в конституционных монархиях (как, например, Марокко) все большую роль будут играть выборные органы власти. В свою очередь «электоральные авторитарные режимы» будут, быстрее или медленнее, переходить от имитационных к реальным выборам, многопартийности и т.д. Вполне возможно, что в них уже больше не будет пожизненных президентов, «отцов нации», «национальных лидеров» и пр., как и не будет стремления передавать власть от отца к сыну, внуку, «своему человеку» и т.д. Партии какого толка будут побеждать, последуют ли военные перевороты в случае глубокого общественного кризиса, как это, например, не раз происходило в Турции, я не берусь предсказывать.

Второе. Молодое поколение в арабских странах почувствовало вкус к свободе и поверило в то, что против несвободы можно не только бороться, но и побеждать диктаторов, и с этим арабские правители вынуждены будут считаться. Если, конечно, пришедшие на волне революций новые власти не дискредитируют демократические ценности своим неумением управлять страной или станут на путь коррупции, nepотизма и пр., как это нередко и случается.

Третье. Прежде чем прибегать к массовым репрессиям против участников протестных движений, правители вынуждены будут просчитывать, чем это может для них обернуться. Международный уголовный суд выдал ордер на арест Муамара Каддафи, его сына Сейфа аль-Ислама и главу спецслужб Абдуллы аль-Сенусси, обвинив их в преступлениях против человечности, и это серьезное предупреждение другим арабским правителям, прибегающим к массовым репрессиям. Какими бы ни были двойными стандарты по части оценки преступлений властей против человечности, но тенденция международной защиты граждан против массовых репрессий со стороны собственных правителей будет только нарастать.

«Сегодня поведение правительств, готовых безжалостно убивать собственных подданных, - пишет директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев, - не менее опасно для мира, чем классическая международная агрессия... В «чистом» виде ответом на жесткие действия власти против народа стали лишь операции НАТО в Косово и России в Южной Осетии. В Ливии мы видим новый шаг в этом направлении... Миру послан ясный сигнал: суверенитет не оправдывает убийства и насилия над гражданами». А президент Франции Николя Саркози даже пригрозил: «Каждый арабский правитель должен понять одну вещь – реакция международного сообщества и, в частности Европы, с этого момента каждый раз будет одинаковой».

Четвертое. Следует ожидать ускорения более справедливого решения вопроса о допуске к власти представителей различных этно-конфессиональных групп населения. В частности, речь идет о суннитах и шиитах. Раньше, в период подъема арабского национализма, возникновения «национального

социализма», этот вопрос не играл особо важной роли. Но после шиитской революции в Иране и исчерпании влияния на массы панарабизма ислам потенциально становится самой влиятельной идеологией, хотя, особо подчеркну, в нынешней арабской революции он не играл важной роли. Наибольший перекося с точки зрения представительства во власти указанных ветвей ислама наблюдается в Сирии, в которой 12 процентов шиитов алавитского толка занимают ключевые в ней посты, и в Бахрейне, где, королевская династия представлена суннитами, которых насчитывается 25 процентов против 75 процентов шиитов (хотя еще сравнительно недавно их было поровну).

Но опять же и тут есть контраргументы. В Бахрейне, где много нефти и мало людей (около одного миллиона вместе с рабочими-иммигрантами) очень высокий жизненный уровень и в нем как раз волнения носили религиозный характер - как протест против неравенства представительства во власти двух конфессий, хотя правление суннитской династии не ставилось под вопрос. Однако если дать равные электоральные возможности обеим общинам, то к власти придут шииты, которые тут же могут поставить вопрос об объединении с Ираном (который считает Бахрейн своей исконной территорией). А в Бахрейне, помимо того, что там более либеральные порядки и даже свободно продается алкоголь, находится база 5-го американского флота, имеющая для США исключительно важное стратегическое значение.

В Сирии, как и в Ираке до американского вторжения, фактически были светские режимы, и религия для них не играла первостепенной роли. И хотя сирийский режим опирается на шиитов, он беспощадно расправлялся с исламскими радикалами любого толка. К чему бы привел приход к власти суннитов, сказать трудно. Ведь и среди суннитов немало фундаменталистов. Но менять чреватую постоянными взрывами ситуацию сирийским властям все равно придется, только лучше раньше, чем тогда, когда будет уже поздно.

Кстати говоря, и после прихода к власти шиитского большинства в Ираке ситуация может развиваться отнюдь не так, как полагал президент Буш, инициировавший войну против этой страны. Он, очевидно, считал, что освобожденные из-под гнета

саддамовского режима шииты будут бесконечно благодарны американцам. Однако шииты только и ждут их ухода из страны и среди них есть немало поклонников иранского пути развития, а потесненные от власти сунниты по-прежнему занимают важные позиции в управленческих и силовых структурах. Ведь они правили страной с 1258 года и имеют в этом деле несравнимо больший опыт, нежели шииты. Со своей стороны курды, которые, пожалуй, больше всех выиграли от устранения от власти Саддама Хусейна, добровольно не захотят расставаться с полученной широкой автономией и богатыми нефтеносными районами, что, вообще, дает им возможность независимого существования.

Чрезвычайно сложной остается ситуация в Йемене. Страна занимает очень важное геостратегическое положение, но очень бедная, со сложной племенной структурой и чрезвычайно быстрым ростом населения (3,45 процента), который обгоняет рост ВВП (3,2 процента), при этом безработица составляет 35 процентов трудоспособного населения. Соотношение суннитов и шиитов примерно 60:40, но это не является проблемой для этой страны. Она – в реальной возможности разрастания радикального исламизма на почве массовой бедности и нищеты. Как там будут развиваться события после ухода с поста «долгожителя-президента» Али Абдаллы Салеха, я предсказывать не берусь. Слишком уж много в этой стране накопилось горячего материала при его многолетнем правлении.

НА «РОССИЙСКОМ ФРОНТЕ» БЕЗ ПЕРЕМЕН

Реакцию российского правящего класса на происходящие в арабском мире события было не трудно предвидеть – она стереотипна еще с царских времен. Если революции, массовые протестные движения и т.п. происходят в других странах по причинам, которые существуют и в нашей стране, то реакция практически всегда однозначна: не устранять причины, а еще больше закручивать гайки.

Таким был ответ Хрущева на венгерские события 1956 года, Брежнев – на реформы в Чехословакии 1968 года. Примерно так же ответили наши власти на «оранжевые революции» в соседних странах, основной причиной которой была коррупция, социальная пропасть между

богатыми и бедными и фальсификация результатов выборов. Внешнее вмешательство тоже прослеживалось, но не имело решающего значения. А после начала арабских революций российские чиновники в правительстве хотели даже запретить социальные сети типа «Фейсбук» и «Твиттер», сыгравшие большую роль в мобилизации недовольных правлением диктаторов, да этого не допустил президент Медведев.

Касаясь болезненной реакции в российских правящих кругах на происходящие в арабских странах события и действия стран НАТО в Ливии (очевидно, имея в виду заявление премьера Путина о новом крестовом походе и о необходимости с учетом этого крепить вооруженные силы России) политолог профессор Николай Злобин, работающий в США, считает абсурдной саму мысль о том, что кто-то решится «бомбить Россию, если ее власть начнет крупномасштабную войну против собственной политической оппозиции». То, что эта тема «просто витает сегодня в российском воздухе», – продолжает Злобин, – свидетельствует, как мне кажется, не только о неопределенности российского политического класса в видении путей развития страны и о массовых опасениях, что некоторые нарастающие внутри страны противоречия не удастся решить с помощью демократических методов. Он также говорит о традиционной российской паранойе, рассматривающей внешнее окружение, а не внутренние конфликты в качестве главной угрозы независимости... Отсюда не только распространенное в России нежелание даже попытаться понять логику или причины действий международных сил в Ливии, но и крайне скептическое отношение к решению Дмитрия Медведева не использовать право вето при голосовании».

В сказанном Злобиным я хотел бы особо подчеркнуть внутренние, а отнюдь не внешние причины, которые могут угрожать целостности России. Ведь СССР имел 30 тысяч ядерных зарядов, 2 тысячи стратегических ракет, около 200 подлодок, больше танков, чем остальной мир (60 тысяч), а распался без единого выстрела. И вообще, кому может в голову придти мысль попытаться силовыми методами вмешаться во внутренний конфликт второй в мире ядерной державы?!

Так почему же у нашего правительства рождается страх перед лицом чужих

революций? Наверное, потому, что они вызваны причинами, которые существуют и у нас. Ведь то, что арабисты говорят о Египте при правлении Мубарака – о достигшей невероятных размахов коррупция, кумовстве, о неэффективном чиновничьем аппарате, о стагнации и застое, применимо и к России. Некоторые наши чиновники болезненно воспринимают сам факт, что кто-то может ставить под сомнение их право находиться у власти столько, сколько они хотят, пересаживаясь из одного кресла в другое. Они могут похвалиться своими успехами на публике, но сами-то они наверняка сознают, что не справляются с задачей развития России, которая по важнейшим показателям бытия все дальше откатывается назад, и не в состоянии создать в стране нормальные условия для жизни людей и даже обеспечить безопасность их существования. Поэтому-то люди бегут из России, но не в Россию. И в самом деле, ну не могут же они не видеть, что в России абсолютно ненормальная ситуация для нормальной жизни людей!

Но все же удивляет непонимание не только некоторыми высокими чиновниками, но и немалой частью пишущей братией того очевидного факта, что Россия заняла по ливийскому вопросу оптимальную позицию: не проголосовала за военную акцию западных стран с целью прекращения в Ливии массового насилия, и не высказалась против, а воздержалась. В этом случае как поражение, так и победа Каддафи оставляла ей возможность сотрудничать с этой страной в будущем. Причем эта позиция была согласована с Китаем и другими членами БРИК (ныне уже БРИКС).

Но, похоже, нет понимания и другого: если мы хотим сохранить Россию в нынешних границах – а ее нельзя сохранить, не осуществив модернизацию – то мы не должны противопоставлять себя странам Запада. Иначе откуда мы можем получить новую технику и технологии?

Безрассудное хвастовство наших военных и некоторых гражданских лиц по поводу наших якобы не знающих преград ракет уже стоило нам потери сделки с «Опелем». Логика американцев понятна: если Россия заявляет, что уже сейчас имеет такие сверхсовременные ракеты, которые могут безнаказанно достичь любой точки планеты, то зачем им помогать развивать научно-технический, а следовательно, и

военный потенциал такой страны? Это, во-первых.

А во-вторых, мы должны мыслить стратегически и руководствоваться не сиюминутными, а долговременными интересами России. Кто может знать, как поведет себя Китай через 20-30 лет, когда по экономической мощи он станет первой в мире державой? Сейчас в Китае правят руководители четвертого поколения во главе с Ху Цзиньтао (первое поколение возглавлял Мао Цзэдун, второе – Дэн Сяопин, третье – Цзян Цзэминь). До сих пор практика такова, что генеральный секретарь ЦК КПК, он же и председатель КНР, имеет право на два срока каждый по 5 лет, как и премьер-министр. Еще можно предвидеть поведение руководителей пятого поколения, поскольку уже известно, кто займет место Ху Цзиньтао. А вот как поведет себя шестое, седьмое и десятое поколение руководителей, не могут знать даже сами китайцы.

Поэтому, с одной стороны, у нас нет другого выхода, кроме как дружить с нашим восточным соседом-гигантом, притом что он будет смотреть на Россию преимущественно как на источник нужного ему сырья и рынок сбыта своих товаров. Даже от нашей военной техники он скоро откажется, ибо форсирует создание современного военно-промышленного комплекса, а в научно-технической сфере он уже нас обогнал, за исключением нескольких оставшихся от СССР секторов. (Уже 10 китайских университетов считаются лучшими в мире, в то время как в России только 2. Да и то в конце списка. Кстати говоря, в маленькой Швейцарии их 7, в Бельгии и Швеции – по 5, в Южной Корее – 3, а в США – более 50)

С другой стороны, мы должны понимать: пустующие земли на нашем Дальнем Востоке и Восточной Сибири, на которые претендовал Мао Цзэдун и которые некогда были в сфере влияния Китайской империи Цинской династии, могут быть объектом интересов сверхперенаселенной соседней сверхдержавы. С Америкой же у нас не было и нет подобных проблем. И вообще, мы с США никогда не воевали.

Повторять же слова недалековидного царя Александра 111, что у России есть только два союзника – армия и флот, как некоторые и сегодня делают, просто глупо. ВВП России примерно в 10 раз меньше американского, как и стран ЕС, а созданный еще в советские годы ракетно-

ядерный потенциал прогрессирующе устаревает, а на смену оружию массового поражения второй половины XX века приходит новое и еще более страшное и коварное оружие XXI века. А его способны создавать только страны с высоким уровнем развития науки и техники, которые в постсоветской России влечат жалкое существование. И, как говорит математик и физик (работающий в России и США) академик РАН Владимир Захаров, «через 10-15 лет произведенное нами оружие будет относиться к будущим стандартам, как арбалет к автомату».

НА ОДНОМ ЗАКРУЧИВАНИИ ГАЕК ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ

Неблагоприятным для нас событиям в мире российский правящий класс традиционно противопоставлял не только кнут, но и пряник. Только пряник-то был по большей части виртуальным. Так, большевики десятилетиями кормили нас достижениями после выполнения очередной пятилетки, но поистине досыта – «светлым будущим», которое вело себя, как линия горизонта... При этом большевики учитывали особенности русского национального менталитета. Как говорил философ Николай Бердяев, для русских будущее важнее настоящего, а дальше – ближнего. Действительно, мы пытались осчастливить социализмом полмира, расходуя на это гигантские средства, сами живя в убогости, бедности, бездорожье и грязи.

История, увы, повторяется. Дефицит реальных достижений наши чиновники нередко стремятся компенсировать грандиозными планами на будущее. (Заведомо утопическими, чем-то напоминающими идеи изменения природы при Сталине или построения коммунизма за 20 лет при Хрущеве.) Они то и дело заверяют нас, что по объему ВВП Россия скоро войдет в число пяти ведущих мировых экономик, а душевой доход составит более 35 тысяч долларов, что больше нынешнего уровня в странах Запада. Только откуда возьмется такое чудо, если все 20 лет мы только проедали советское наследие и ничего принципиально нового не создали?

Как сказал председатель Счетной палаты Сергей Степашин, «отсутствие хотя бы одной дороги, соединяющей Москву с Санкт-Петербургом, - это позор. За 20 лет-то одну дорогу можно было построить». И в самом деле, новейшая история не знает

примера, когда великая и развитая страна в условиях мирного времени целых 20 лет катилась бы вспять по важнейшим показателям бытия. Об этом неумолимо свидетельствуют и данные Росстата.

И как можно было так умудриться, чтобы, получив 1,5 триллиона долларов в нулевые годы, не построить ни одного известного на всю страну производства, ни одной современной дороги федерального уровня, ни дать миру хотя бы одной прорывной технологии или научной идеи?!

Удивительно, но факт: в постсоветской России самым важным проектом, о котором постоянно говорят в СМИ, является строительство горно-лыжного курорта в субтропическом Сочи в рамках создания инфраструктуры для одноразового проведения зимней Олимпиады. А еще - идущее вразрез здравому смыслу строительство дорогостоящего моста на мало пригодный для комфортной жизни остров Русский ради такого же одноразового проведения саммита АТЭР. Как говорит главный редактор еженедельника «АИФ» Николай Зятков, «мы не можем сами себя ни прокормить, ни обути, ни одеть. Ума чиновникам хватает только на то, чтобы продать за границу нефть, газ и лес...» Что им особо легко дается, так это строительство «потемкинских деревень».

Чтобы понять некоторые новые шаги наших властей на указанном выше поприще, ознакомимся с докладом, подготовленным Центром стратегических разработок. Он был в свое время создан питерцами во главе с Германом Грефом и одарившим страну моделью реформ «роста без развития». (Это когда имеет место рост ВВП за счет продажи невозполнимого сырья, когда быстро растет число богачей, вилл, элитных домов, дорогих магазинов и пр., но имеет место дефицит развития инфраструктуры, промышленности, высоких технологий, нет должного развития и сельского хозяйства, способного накормить страну. Впервые понятие «рост без развития» было применено к недавно освободившимся колониям, богатым сырьем. Ярким примером модели «роста без развития» стала Нигерия.)

Доклад называется «Политический кризис в России и возможные механизмы его развития». Его авторы, опираясь на социологические исследования, отмечают падение популярности руководителей и рост недоверия россиян уже к самой к

политической системе, чего не было раньше. Как утверждает президент этого Центра Михаил Дмитриев, население «не верит в то, что власти в их нынешнем состоянии могут позаботиться больше о его благополучии, о возрождении российской обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства. Люди такими словами говорят. И очень многие высказываются таким образом, что эти власти озабочены только тем, чтобы перераспределить ту сырьевую ренту, которая приходит из-за рубежа. И как они ее перераспределяют, никто не знает, потому что денег много, но до людей они не доходят».

И далее Дмитриев говорит: «Мы показали элементарную перспективу: в стране, в которой тенденции падения доверия будут устойчиво продолжаться, никакого выживания политической системы в том виде, в котором она порождает недоверие, невозможно». И еще: «О Путине многие отзываются хорошо: он заслуженный человек, многое сделал для страны, в прошлом все было неплохо. Но про будущее говорить перестали, и это очень опасный симптом. Как можно планировать будущее «национального лидера» на 6 лет вперед, если уже сейчас никто не ждет перспектив и никаких прорывов от него?... И уж точно «Единой России надеяться на рейтинг первого лица будет в такой ситуации очень и очень непросто. Это рискованная стратегия».

Центр стратегических разработок в своем докладе не порадовал власть и положением в экономике страны. И хотя Дмитриев в традиционном для либеральных экономистов духе говорит об успехах страны в нулевые годы (особенно в «касыяновский период»), в то же время (часто противореча сам себе) признает провалы в экономике и экономической политике. «...Капитал из России утекает.- констатирует Дмитриев.- За последние 7 месяцев (по данным на 12.04.2011. - А.К.) утекло порядка 55 миллиардов долларов, что составляет 4% от ВВП 2010 года. Такого в России не было никогда... Мы фактически утратили нашу обрабатывающую промышленность... Только за последние 3 года кризиса мы потеряли 3 миллиона высококачественных рабочих мест в обрабатывающей промышленности, а то, что осталось, это в основном неконкурентоспособные предприятия. Нам нужна новая индустриализация...».

И что же предлагают авторы доклада? Нужна «перезагрузка доверия к власти» и нужна новая партия среднего класса с последующим формированием коалиционного правительства.

Вот, по-моему, то, что подвигло Владимира Путина выдвинуть идею Общероссийского народного фронта (ОНФ) для укрепления власти. Только мир еще не знал случая, чтобы правительство, с одной стороны, утверждало, что в стране все идет хорошо, а в будущем будет еще лучше, имело конституционное большинство в парламенте, а с другой стороны, создавало бы народный фронт. Когда создаются народные или национальные фронты? Пожалуй, только в двух случаях. Во-первых, они формируются, причем не правящими, а оппозиционными партиями для победы на выборах или в условиях общественного кризиса, как это делали коммунисты во многих странах, а также перед лицом внешней угрозы. Правящими же партиями могут создаваться не фронты, а коалиционные правительства. Во-вторых, народные (национальные), точнее, псевдонародные (псевдонациональные) фронты создаются авторитарными и тоталитарными режимами как имитация многопартийности. Они были в ГДР и ряде других соцстран, в Ираке при Саддаме Хусейне, в Сирии и т.д.

На деле указанная акция не имеет ничего общего ни с народным (национальным) фронтом, ни со стремлением властей гарантировать стабильно устойчивую политическую ситуацию в стране. Для этого надо не укреплять монопольное правление одной партии, а создавать двухпартийную систему, о чем в первый срок президентства Владимира Путина много говорилось во властных кругах.

В наших условиях с помощью административного, информационного и финансового ресурса добиться конституционного большинства партии власти, чтобы в любой момент можно было изменить Конституцию в пользу правящего класса, вполне достижимо. Только это может оказаться пирровой победой для такой партии и смертельно опасным для страны. Ибо если существующий режим падет в условиях глубокого общественного кризиса, то не будет ответственной политической силы, которая могла бы взять власть и не ломать «все до основания», как в 1917-ом и 1991-ом годах, а трансформировать зашедшую в

тупик политическую и/или общественную систему. Перед прошлыми думскими выборами Кремль говорил о необходимости иметь две сильные партии, но потом что-то произошло, и он от этой мысли отказался. Наверное, чиновники посчитали, что им незачем перестраховываться. И это тоже идет из прошлого. Как говорит бывший переводчиком первых лиц государства дипломат Виктор Суходрев, его просто поражало, что члены правящего Политбюро ЦК КПСС как при Хрущеве, так и Брежнев, свято верили, что их власть будет бесконечной.

Что меня особо беспокоит? Разочарование широких слоев народа после наверняка «победоносных» для «Единой России» думских выборов. Предвыборные обещания с высоких трибун вскоре уйдут в песок, а острые проблемы безрадостной повседневной жизни большинства наших граждан останутся. Это очень опасно для страны. Вспомним недавнюю историю. В последние годы существования СССР за блок «коммунистов и беспартийных» голосовало более 90 процентов граждан, а в КПСС входило около 20 миллионов человек. И Чем это кончилось? Тем, что никто не стал защищать ни СССР, ни правящую партию.

МНЕНИЕ КОЛЛЕГ

По острым вопросам внутренней и международной жизни я всегда советуюсь со своими коллегами, которые давно занимаются общественным процессом в разных странах и накопили огромный опыт в этой сфере. Что они говорят? Первое. Партия «Единая Россия» создавалась в форс-мажорных обстоятельствах в основном как партия чиновников. И хотя она и выросла численно, но так и не превратилась в настоящую партию. Открытую дискуссиям, имеющую фракции или разные течения, реальные выборы своего руководства. В нем много бывших силовиков, которые никогда не вели реальной партийной работы, они склонны к приказным методам руководства, к чиновничеству, к выполнению «указаний свыше». А то, что некоторые из них порой изрекают, говорит об их низком уровне развития.

Во-вторых, даже если допустить создание ОНФ имеющей конституционное большинство правящей партией – что действительно не известно

цивилизованному миру – то оно должно быть связано с решением какой-то грандиозной общенациональной задачи. В наших условиях – это реиндустриализация, возрождение науки, возрождение научно-технологических центров (наукоградов), борьба с взявшей за горло общества коррупцией и тесно связанной с нею преступностью, ликвидация гигантской пропасти между богатыми и бедными и т.д. Однако руководство «ЕР» на самом высоком уровне заявило, что основной задачей ОНФ станет развитие политической системы и демократических институтов. Разве это первостепенные задачи для страдающего от нищеты, безработицы, дороговизны, бездорожья, произвола «государевых слуг» и криминала большинства россиян?!

Третье. Многие мои коллеги считают, что идея народного фронта – это всего лишь очередная пиар-акция. Ведь каждый раз перед общероссийскими выборами появляется нечто такое, что должно повысить рейтинг и первых руководителей, и партии власти. То мы начинаем «мочить» чеченских террористов, то разоблачаем «оборотней в погонах», то вдруг узнаем о поднимающем на новый уровень страну «плане Путина» (созданном руководством «Единой России» из ежегодных Посланий президента Федеральному собранию), о котором после выборов тут же все забывают.

Коллеги считают, что Путин хочет поднять падающий рейтинг «Единой России», поменять ее имидж с партии богатых и для богатых, мало что решающего придатка исполнительной власти на имидж общенародной партии. А еще и избавить ее от навешенного Алексеем Навальным ярлыка «партии воров и жуликов». (С чем я, кстати говоря, категорически не согласен, потому что трудно найти такую правящую партию, в которой не было бы честных людей, болеющих за судьбу страны.) А чтобы «ЕР» воспринималась в глазах россиян не как право-консервативная, а центристская, возникла идея «переформатировать» постоянно неудачных правых а-ля Гайдар-Чубайс и провести их в Госдуму во главе с миллиардером Михаилом Прохоровым. Формирование народного фронта станет и прекрасным поводом, для того, чтобы постоянно говорить о близости «ЕР» к народу (как в свое время говорили о слитности КПСС и народа), о «великих

достижениях» в нулевые годы, о нашем «прекрасном будущем» и т.д.

Правы или нет мои коллеги, покажет ближайшее будущее.

ВЕРНЕТСЯ ЛИ ПУТИН В КРЕМЛЬ – ЭТО ЕЩЕ ВОПРОС

Многие аналитики инициативу Владимира Путина создать ОНФ расценили как его твердое намерение вернуться в Кремль после ближайших президентских выборов. При этом они говорят, что созданием ОНФ он-де опередил Дмитрия Медведева в создании для этого благоприятных условий. А еще недавно трезвые аналитики считали, что президентская ноша в условиях тотально деградирующей России не будет в радость ни Путину, ни Медведеву. Они считали, что Медведев с согласия Путина может пойти на второй срок, поскольку именно он выдвинул план модернизации страны и поскольку Запад скорее будет помогать в этом «медведевской России», чем «путинской».

Ситуация изменилась, однако, после того, как цены на энергоносители резко пошли вверх и, скорее всего, будут оставаться высокими или относительно высокими еще сравнительно долго. (Хотя тут можно и ошибиться: в странах Запада постепенно будут отказываться не только от АЭС, но и от загрязняющих среду обитания углеводородов. Проекты создания «чистой энергии» принимают все более грандиозные масштабы.) Причины известны: это катастрофа на АЭС в Японии, планы Германии постепенно ликвидировать АЭС, принципиальный отказ Италии от ядерной энергетики, беспокойная ситуация в нефтепроизводящих странах Северной Африки и Ближнего Востока.

В этих условиях активно поддерживающая правительством и без того сильная «партия сырьевиков» чувствует себя еще сильнее и увереннее по крайней мере в своем ближайшем будущем, чем «партия технологов», которую многие ассоциируют с президентом. Сейчас ей вполне комфортно. Одно дело по-прежнему уютно сидеть на теплой нефтяной печке без особых забот и хлопот. Другое дело – поднимать народ на свершение очередного подвига – восстанавливать разрушенную промышленность и научно-техническую инфраструктуру, строить современные дороги, поднимать духовность и нравственность... Что невозможно без

победы над коррупцией и сросшейся с ней организованной преступностью, без коренного изменения экономической, кадровой и социальной политики государства. На это потребуются огромные средства, решительный отказ от нынешней расточительности. Причем на все это уйдут многие годы, а видимые всем результаты появятся не скоро.

Готова ли на это пойти наша нынешняя элита, я не уверен. Скорее, нет. А мысль о том, что случится со страной, когда пересохнет труба, ее, похоже, мало волнует. У немалой ее части в странах Запада есть и счета, и дома, и производства. Притом что и многие отечественные крупнейшие компании зарегистрированные в оффшорах, следовательно, юридически не принадлежат России. Впрочем, все это хорошо известно.

Однако я бы не стал утверждать, что именно Владимир Путин станет кандидатом от тандема на президентских выборах. И вот почему.

Добившись конституционного большинства, «ЕР» может принять изменения в законодательство, согласно которому правительство формирует победившая партия, и наделяется оно полномочиями, которые де-факто сейчас имеет Владимир Путин.

И тогда наши высшие чиновники хоть десять сроков подряд могут занимать пост главы правительства и проводить в жизнь свою политику, а не политику избираемого народом президента, полномочия которого будут урезаны. Но при этом на данном этапе оба дуумвира останутся, как говорится, при своих интересах. ▲